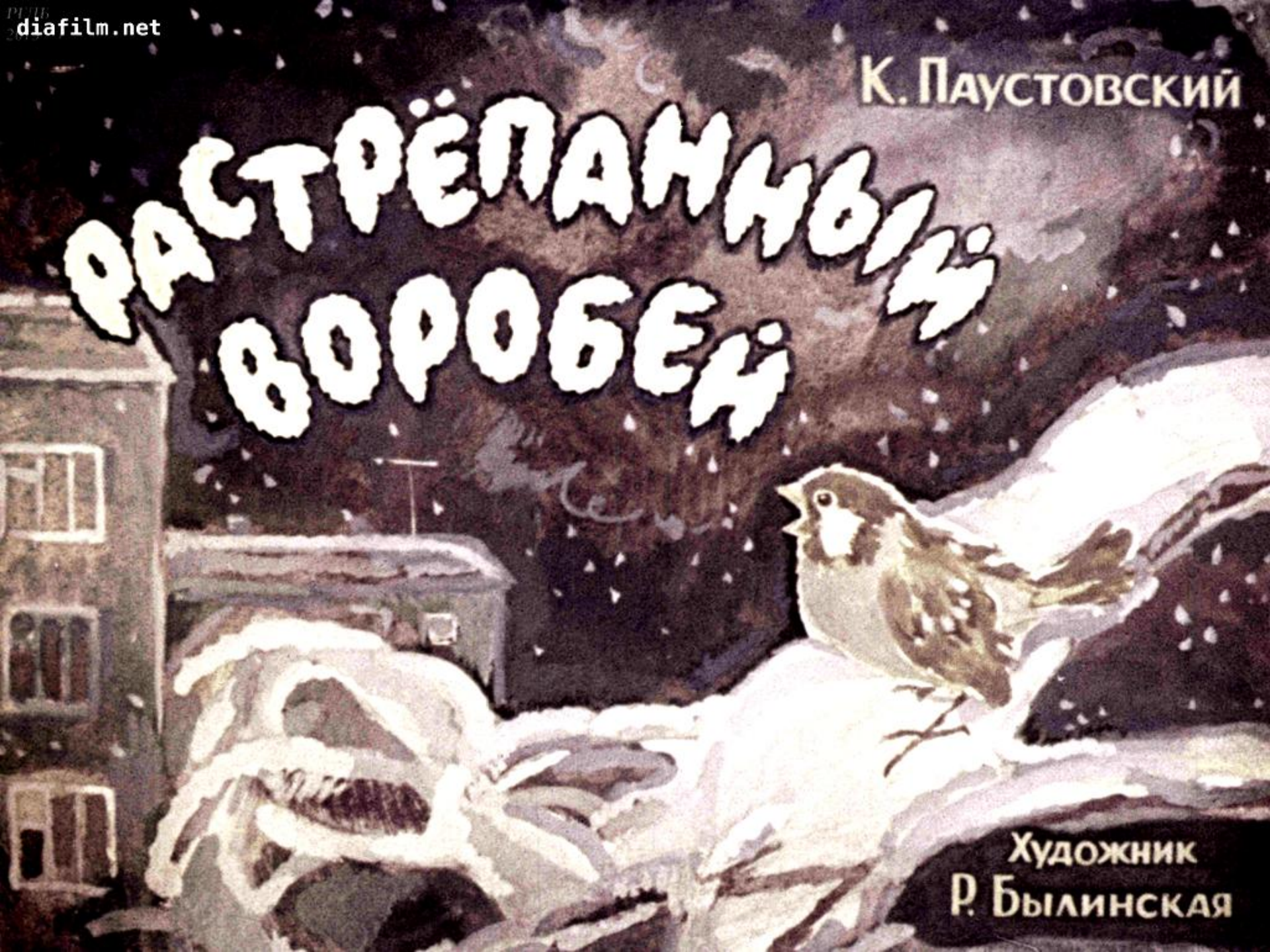

К. ПАУСТОВСКИЙ

РАСТРЕПАНЫИ ВОРОБЕЙИ

Художник
Р. БЫЛИНСКАЯ

За два дня до спектакля мама вынула из сундука маленький букетик стеклянных цветов. Его подарил маме Машин отец. Он был моряк и привёз букетик из дальней страны.

– „Вот ты и дождался...“ – прошептала мама. Но Маша не поняла её. – „Чего дождался?“ – спросила она.

И тогда мама рассказала, что, уезжая на далёную Намчатку, папа сказал ей: „Когда будешь впервые танцевать Золушку, приколи букетик к платью... Тогда я буду знать, что ты вспомнила обо мне“.

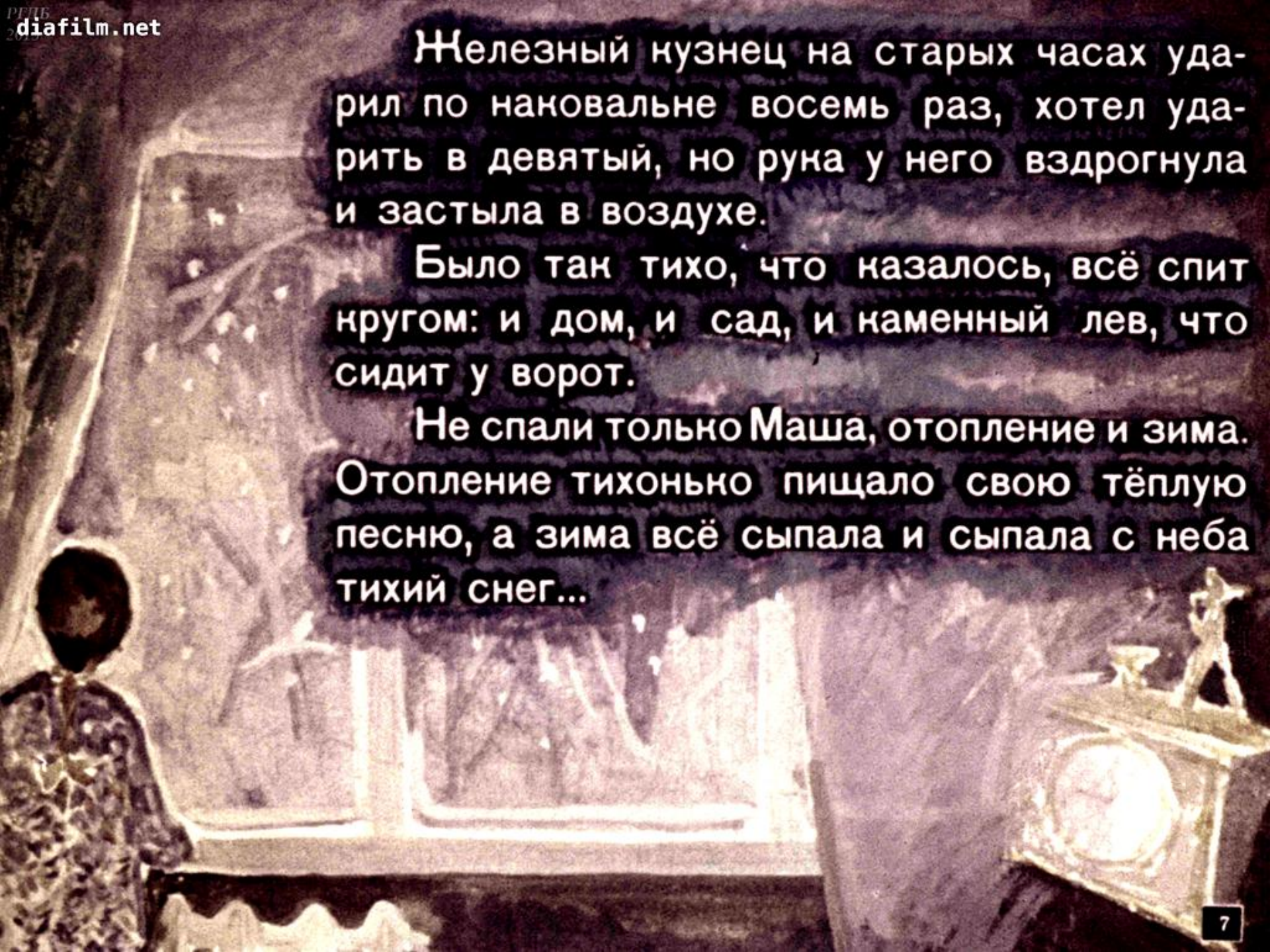
Мама положила стеклянный букетик на стол и сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

Вечером мама, как всегда, ушла в театр танцевать. Стекло-
 ланный букетик лежал на столе и поблескивал. Но Маша
 не оглядывалась. Если оглянешься, то нянюшка Петров-
 на непременно проснётся и погонит спать.

Железный кузнец на старых часах ударил по наковальне восемь раз, хотел ударить в девятый, но рука у него вздрогнула и застыла в воздухе.

Было так тихо, что казалось, всё спит кругом: и дом, и сад, и каменный лев, что сидит у ворот.

Не спали только Маша, отопление и зима. Отопление тихонько пицало свою тёплую песню, а зима всё сыпала и сыпала с неба тихий снег...

Было непонятно, как с такого чёрного неба может слететь такой белый снег. Но ещё непонятнее была ворона. Она не моргая смотрела на Машу и ждала, когда откроют форточку...

...Уже не раз, как только Петровна и Маша выходили из комнаты, ворона влетала в форточку, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала. Она забывала вытереть лапы о ковёр и оставляла на столе мокрые следы.

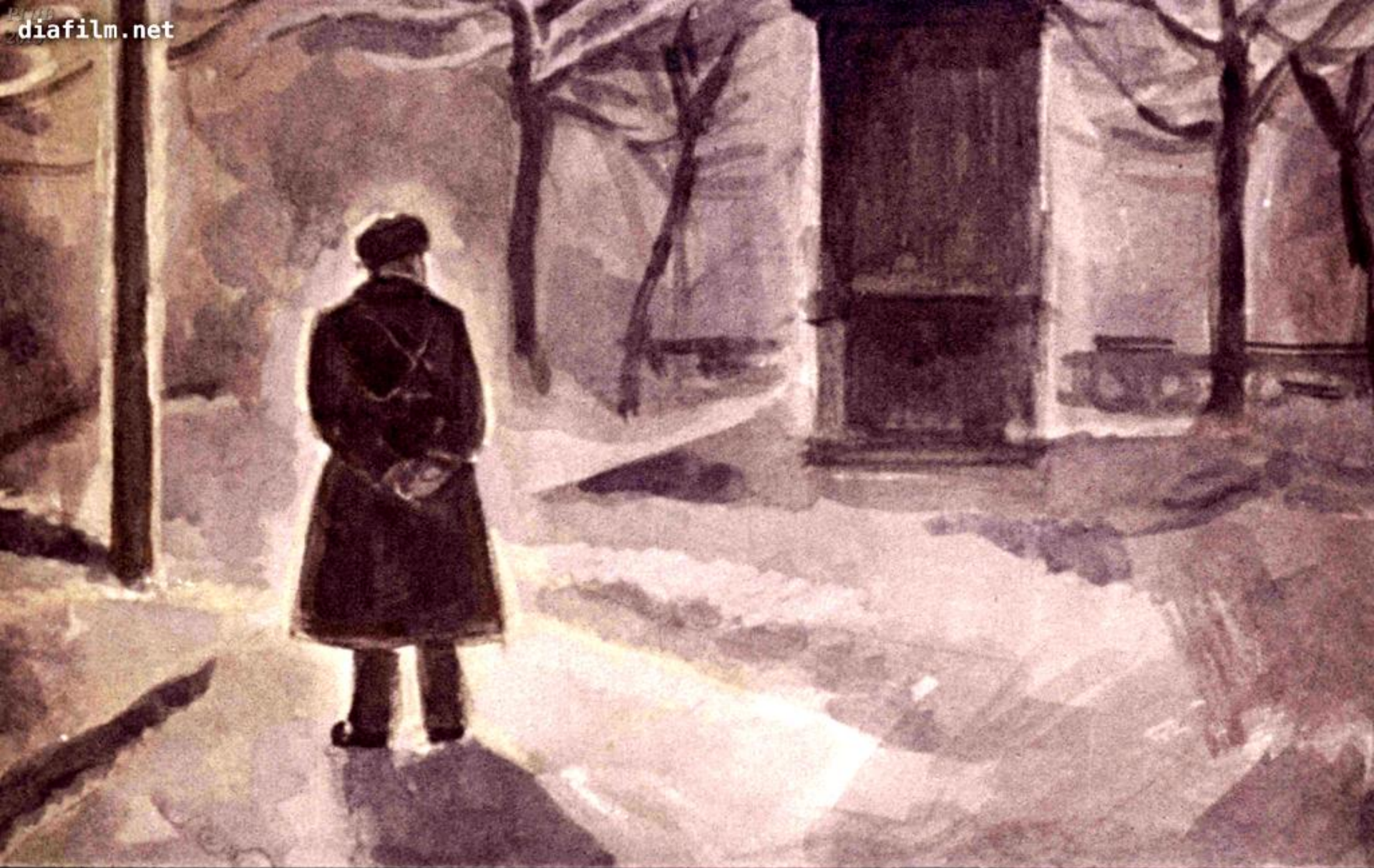
Петровна, возвратившись в комнату, всплѣскивала руками и кричала: „Разбойница, опять чего-нибудь уволокла!“ – Чаще всего ворона таскала сахар, печенье, колбасу.

Жила ворона в заколоченном на зиму ларьке, где летом продавали мороженое. Ворона была скупая, сварливая. Свои богатства она клювом забивала в щели, чтобы их не разворовали воробьи.

Иной раз по ночам ей снилось, будто воробьи прокрасились в ларёк. Тогда ворона сердито каркала. А милиционер на углу удивлённо оглядывался.

Несколько раз он подходил к ларьку, всматривался внутрь. Но в ларьке было темно, и только на полу белел поломанный ящик.

Однажды ворона застала в ларьке маленького растрёпанного воробья по имени Пашка. Она стукнула его клювом по голове и выбросила из ларька. Пашка упал и завёл глаза: прикинулся мёртвым.

Ворона каркнула напоследок – выбранилась на всё воробьиное воровское племя. А милиционер оглянулся и подошёл к ларьку. Пашка лежал на снегу: умирал от боли в голове и только тихонько открывал клюв.

– Эх ты, безпризорник! – сказал милиционер, снял варежку, засунул в неё Пашку и спрятал варежку с Пашкой в карман. – Невесёлой жизни ты воробей.

Утром Петровна с Машей пошли гулять в парк. Милиционер подозвал Машу и строго спросил: „Вам, гражданочка, воробей не требуется? На воспитание“.

Маша ответила, что воробей ей требуется, и даже очень. Тогда милиционер засмеялся и вытащил варежку с Пашной: „Берите! С варежкой. А то удерёт. Варежку мне потом отдадите“.

Маша принесла Пашку домой, пригладила ему перья щёткой и выпустила.

Пашка поел, попил из блюдечка чаю,

потом посидел на голове у кузнеца. Он даже начал дре-
мать, но кузнец замахнулся молотком и хотел ударить
Пашку. Пашка отлетел, а кузнец, осердясь, ударил по
наковальне одиннадцать раз.

Пашка прожил у Маши целые сутки и видел вечером, как влетела в форточку старая ворона и украла со стола копчёную рыбку голову.

С тех пор Пашка каждый день прилетал к Маше, поклевывал крошки и соображал, чем бы Машу отблагодарить. Один раз он принёс ей замёрзшую рогатую гусеницу — нашёл её на дереве в парке.

Но Маша гусеницу есть не стала, и Петровна, бранясь, выбросила гусеницу за окно.

Тогда Пашка, назло старой вороне, начал утаскивать из ларька ворованные вещи и приносить их обратно к Маше. Иногда он ошибался и притаскивал чужие вещи. Должно быть, ворона таскала не только у Маши...

...В этот вечер Петровна что-то долго не просыпалась. Маше было любопытно посмотреть, как ворона протискивается в комнату. Она влезла на стул и открыла форточку.

Сначала в форточку летел крупный снег и таял на полу, а потом вдруг что-то заскрипело. Ворона влезла в комнату,

прыгнула на мамин стол, посмотрелась в зеркало и взъерошилась, увидев там такую же злую ворону.

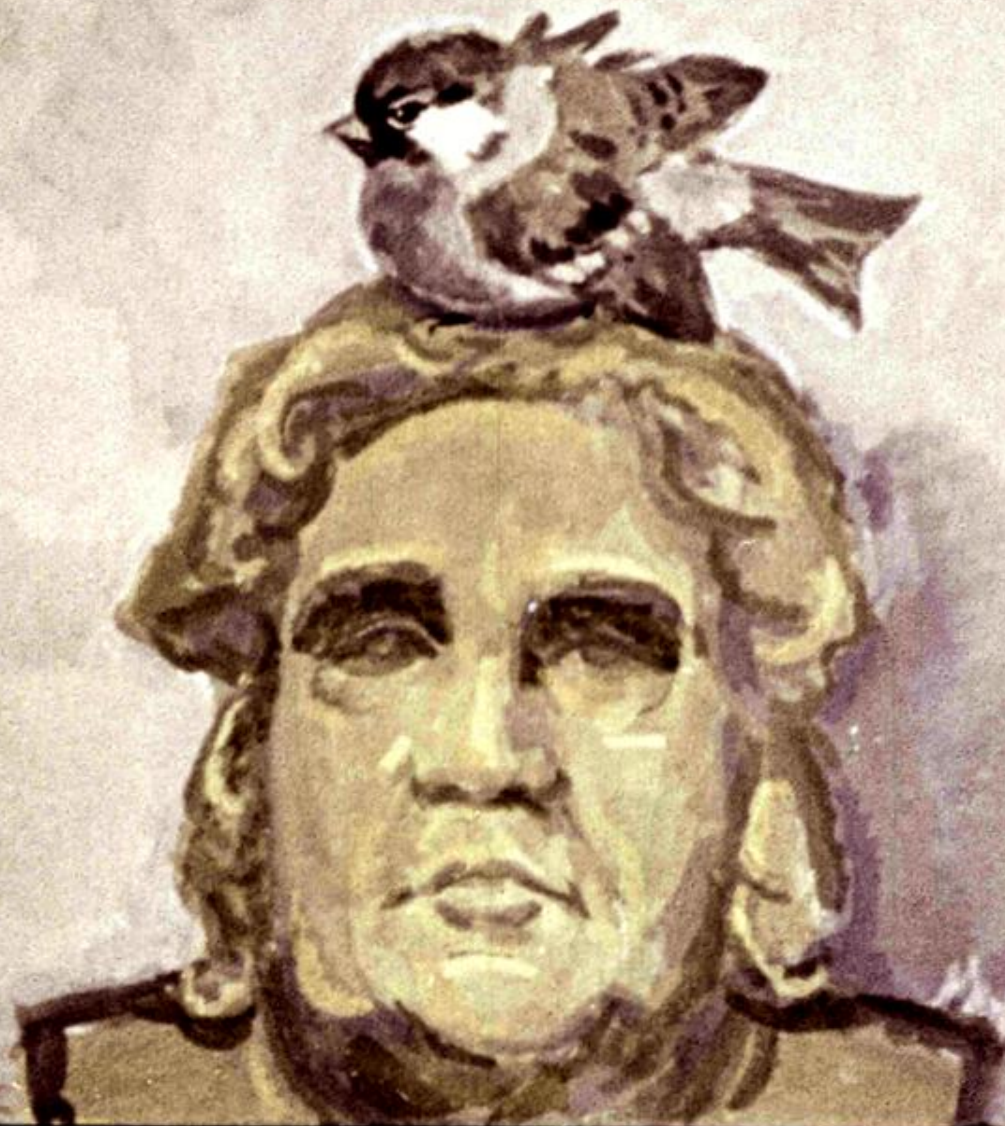
Потом наркнула, воровато схватила стеклянный бунет и вылетела за окно...

Когда мама вернулась из театра, она очень долго плакала. А Петровна говорила, что не надо убиваться, может, и найдётся стеклянный букетик – если, конечно, дура ворона не обронила его в снег.

Утром прилетел Пашка. Он сел отдохнуть на бронзового баснописца Крылова, услышал рассказ об украденном бунете, нахохлился и задумался.

Потом, когда мама пошла на репетицию, Пашка увязался за ней. Он перелетал с вывесок на фонарные столбы, с них – на деревья, пока не долетел до театра.

Вечером мама надела на Машу праздничный фартучек, Петровна накинула на плечи атласную шаль, и впервые все вместе поехали в театр.

А в этот самый час Пашна собрал воробьёв, живших поблизости, и они решили напасть на вороний ларёк. Сперва они два часа дразнили ворону, надеясь, что она разозлится и вылетит: тогда они навалятся на неё все сразу.

Но ворона была учёная, знала воробьиные хитрости и не вылетела. Тогда воробьи наконец собрались с духом и начали протискиваться в ларёк. Там поднялся такой писк, шум и трепыханье, что у ларька собралась толпа.

Прибежал милиционер. Он заглянул в ларёк и отшатнулся: воробьиный пух летал по всему ларьку, и в этом пуху ничего нельзя было разобрать. — „Вот это да! — сказал милиционер. — Вот это рунопашный бой по уставу“.

А в театре начиналось представление. Высокий человек взмахнул бледной рукой, струны на скрипках и виолончелях дрогнули, и под нарастающий гром оркестра тяжёлый бархатный занавес поплыл в стороны.

Маша увидела богатых уродок-сестёр, и злую мачеху, и свою маму – худенькую и красивую, в стареньком платье. – „Золушка!“ – тихо вскрикнула она и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Музыка всё время только и делала, что печалилась и радовалась за Золушку, будто все эти скрипки, гобои, флейты и тромбоны были живыми добрыми существами.

Даже старые капельдинеры, которые никогда не смотрят спектакли, бесшумно вошли в зал и смотрели на Машину маму. Ведь сегодня танцевала дочь их умершего товарища, такого же капельдинера, как и они.

Когда кончился спектакль, музыка громко и весело запела о счастье. Все люди улыбались, и только у счастливой Золушки на глазах сверкали слёзы.

В это время в зал ворвался маленький растрёпанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки. В клюве у него нестерпимо блестела хрустальная веточка.

Ослеплённый сотнями огней, он закружился над сценой и подлетел к Золушке. Золушка протянула к нему руки. Воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный бунет.

И Золушка дрожащими руками приколола его к своему
платью...

Театральные огни задрожали от рукоплесканий. Воробей вспорхнул под купол зала, сел на люстру и начал чистить растрёпанные в драке перья.

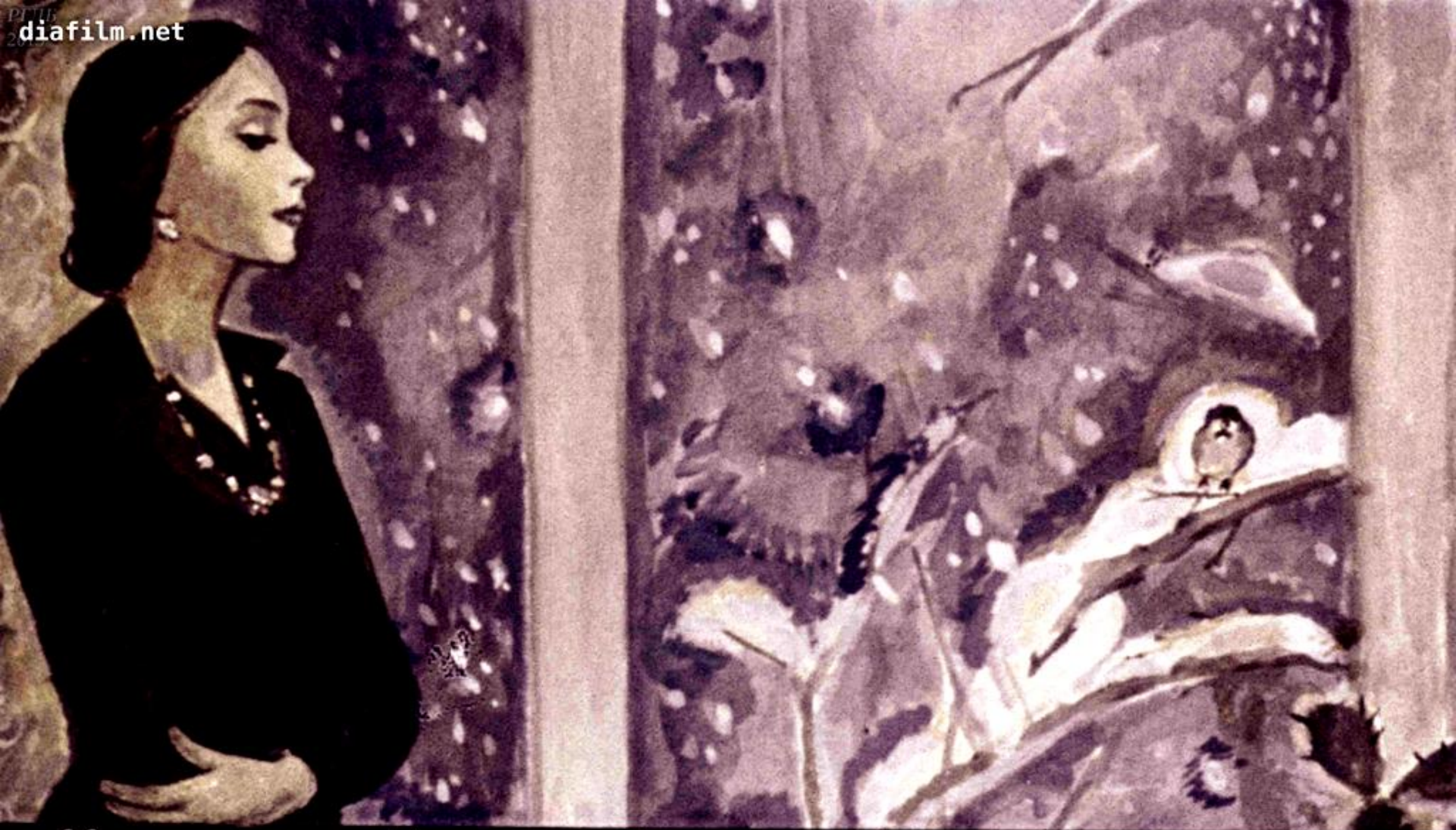
А потом, у себя дома, когда погасили свет и поздняя ночь вошла в комнату и приказала всем спать, Маша спросила маму: „Когда ты прикалывала букет, ты вспомнила о папе?“ – „Да“, – помолчав, ответила мама.

– „А почему ты плачешь?“ – спросила Маша. – „Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете“. – „Вот и неправда! – пробормотала Маша. – От радости смеются“. – „От маленькой смеются, а от большой плачут. А теперь спи!“

Маша уснула. Уснула и Петровна. Мама подошла к окну. На ветке спал Пашка. Тихо было в мире, и только крупный снег, что падал и падал с неба, всё прибавлял тишины. И мама подумала, что вот так же, как снег, сыплются на людей счастливые сны и сказки.

КОНЕЦ

Сценарий С. Полетаева
Редактор Т. Семибратова
Художественный редактор Л. Усайтис

Студия „Диафильм“, 1967 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7
Д-273-67

Цветной 0-30

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя